

К ВОПРОСУ О СПЕЦИФИКЕ АФРИКАНСКОГО ПОЛИТИЧЕСКОГО ПРОЦЕССА

Сапула Педро Камило да Коста

Министерство образования Республики Ангола

Поступила в редакцию 25 апреля 2018 г.

Аннотация: в статье рассматривается специфика политического процесса незападного типа; предложена модель африканского политического процесса, его отличительные характеристики.

Ключевые слова: незападный политический процесс, Л. Пай, африканский политический процесс, традиция, патронажно-клиентельные отношения.

Abstract: the key idea of the article is the non-Western political process in Angola; a model of the African political process and its distinctive characteristics.

Key words: non-Western political process, L. Pye, African political process, tradition, patron-client relations.

Классификация политических процессов обычно выстраивается на основе множества критериев, однако недостаточно разработанными представляются социокультурный и цивилизационный подходы к их характеристике, приобретающие особое значение в последние десятилетия в связи с тем, что, по мнению ученых, «культура имеет значение» [1] и ее игнорирование чревато серьезными политическими последствиями.

Первую удачную попытку классификации политических процессов по цивилизационному признаку (как западный и незападный) предпринял Л. Пай. Им были сформулированы 17 признаков незападного политического процесса, считающиеся классическими [2]. В качестве объекта исследования для разработки идеал-типической модели незападного политического процесса Л. Пай использовал Бирму, применив метод *casestudy*. Бирма стала для ученого своеобразной политической лабораторией, на основе которой были выявлены специфические особенности политической динамики в регионе Юго-Восточной Азии. Вместе с тем эти цивилизационные характеристики «Незапада» нельзя считать абсолютно релевантными и для Тропической Африки или Ближнего Востока. На наш взгляд, африканский политический процесс также имеет свои специфические черты, обусловленные существованием «африканской цивилизации» (С. Хантингтон) [3, с. 59]. С учетом основных характеристик, отмечаемых исследователями-африканистами, политическому процессу на этом континенте присущи следующие особенности.

Во-первых, в большинстве современных африканских стран сложился весьма специфический и, вероятно, не имеющий аналогов первичный (основной) способ организации власти, объединяющий

отдельные принципы и институты старых (традиционных и колониальных) и новых форм автократии и демократии. «В традиционном африканском обществе власть практически повсюду передавалась также путем выборов, но в рамках кровнородственной группы, имеющей право на власть» [4, с. 142]. Исполнительная власть является монополистом, принимающим безальтернативные решения, имеет неограниченные права и чрезвычайно размытые обязанности. Полномочия парламента и судебной системы существенно ослаблены, вследствие чего вспомогательные структуры (например, советники или канцелярия президента) нередко играют более важную роль, чем высшие органы власти. Разделение властей формальное; кроме того, и в элитных кругах, и в массовых слоях населения этот принцип расценивается как проявление слабости, подрыв стабильности и управляемости государства, источник разногласий и конфликтов в обществе. В силу этого население не воспринимает демократию в качестве подходящей формы властвования, возлагая надежды на смягченные версии авторитаризма, способного, по их мнению, справиться с существующими в обществе социальными противоречиями и конфликтами.

Во-вторых, институт выборов является единственным полноценным демократическим институтом в Африке, хотя процедуры их проведения регулярно нарушаются, а в отношении избирателей применяются подкуп, давление и угрозы. Демократический принцип «один человек – один голос» также нередко нарушается, вследствие чего гарантии легитимности проведения и подсчета результатов являются преимущественно международные наблюдатели, осуществляющие мониторинг выборов.

В-третьих, для африканских государств характерно длительное пребывание у власти одной партии и несменяемость лидеров: показатель несменяемости

в Африке достигает 75 % [там же, с. 149]. Этот факт плохо соотносится с недовольством населения своим социально-экономическим положением. Лидеры опираются в своем имидже на харизматическую компоненту «борцов за независимость», «выдающихся вождей», которая в новых условиях подкрепляется рационально-легальной процедурой легитимации и апелляцией к традиционным компонентам легитимности, традиционным практикам и институтам. Широкое распространение получили популистские приемы прямой апелляции к народу, культивирование патронажно-клиентельных отношений, неформальный характер отношений с бизнес-структурами и сращивание экономической и политической власти. Застой в ротации элиты порождает коррупцию, nepotизм, неэффективность управления и т. д.

В-четвертых, большинство африканских стран по своему конституционному устройству формально принадлежат к президентско-парламентской системе правления, но по факту являются президентскими. Это объясняется огромной ролью, которую в африканских странах играет фактор лидера. Странам Африки присуще персонифицированное восприятие власти: политический процесс в основном воспринимается через призму личности лидера страны [5]. При этом высший государственный пост остается монополией мужчин: из 54 стран континента женщина стала главой государства пока только в четырех [6, с. 221–222]. Это подтверждает существование в массовом сознании психологии «мачизма», синдрома «сильной руки», способной навести порядок, и т. д. Режим личной власти, характерный для африканских стран, получил официальное закрепление в конституционном законодательстве в форме «пожизненного президентства». Этому способствует как слабость национальной идентификации и национального строительства, случайный и во многом искусственный характер многих африканских государств, так и субъективное восприятие лидера как «отца нации», символа и инструмента национальной интеграции.

В-пятых, опорой лидера выступает политическая элита, осуществляющая функцию управления обществом и играющая определяющую роль в политической и экономической жизни африканских стран. Контроль над политической ситуацией осуществляется при помощи однопартийной политической системы и авторитаризма. В силу неразвитости социальной стратификации африканского общества элита состоит преимущественно из чиновников и политиков и представляет собой аналог «политического класса» (г. Москва), чья власть и доходы зависят почти исключительно от занимаемых постов. Африканскую элиту трудно назвать олицетворением и носителем национальной культуры; она восприняла чужой язык, обычаи и идейные воззрения и пытается приспособо-

бить все это к местным условиям. Характерной чертой элиты является обязательная принадлежность к правящей партии [5, с. 150]. Осуществлению контроля над внутрихозяйственным комплексом и внешнеэкономическими связями способствует сращивание правящей элиты с национальным капиталом (включая теневую), а при возможности и с иностранным капиталом. Экономическая активность политической элиты носит деструктивный характер, поскольку присваиваемые ею ресурсы не реинвестируются в производственные отрасли, а переводятся в западные банки на личные счета.

В-шестых, в Африке отсутствует главная несущая конструкция демократического государства – эффективная бюрократия, значение которой в современном обществе обосновал еще М. Вебер. Для африканского чиновничества характерна пожизненная административная карьера, закрытость, порождающая корпоративность, предрасположенность к коррупции и круговой поруке. Оно стремится стать управляющей силой, а не инструментом управления, особенно в авторитарном государстве. Отсюда для африканских управленцев характерна чрезвычайно сильная традиция клиентелизма, т. е. обязанность поддерживать своих менее удачливых соплеменников. Производственно-управленческая элита формируется по мотивам личной преданности и родственных связей, что приводит к дублированию административных функций, длительным процедурам принятия решений, избытку менеджеров высшего и среднего звена. В социально-экономической сфере низкому уровню профессиональной компетентности кадров, призванных разрабатывать и реализовывать региональную политику, сопутствует коррупция и расхищение национального достояния. В политическом поведении властвующей элиты корпоративная солидарность сочетается с жесточайшей конкуренцией этнорегиональных группировок в борьбе за наиболее прибыльные позиции в административных и экономических органах.

В-седьмых, особую роль в африканском политическом процессе играет армия. Несмотря на то что в начале XXI в. военные перевороты и военные режимы здесь стали редкостью, армия сохраняет свою роль и практически повсеместно оказывает существенное влияние на политические решения. Это один из самых современных политических институтов, где четко поддерживается ориентация на внешний мир и минимально влияние традиционного общества. В силу слабости структур гражданского общества, включая партийную систему и оппозицию, армия фактически выступает в качестве субститута последней.

В-восьмых, гражданское общество в Африке остается слабым. Предпринимательские слои пока не сформировались ни в количественном, ни в каче-

ственном отношении и не могут участвовать в политическом процессе на равных с государственной бюрократией. Неправительственные организации и общественные движения испытывают сильную зависимость от государства и не могут выступать по отношению к нему в качестве равноправных партнеров [7].

В-девятых, африканские политические партии слабы, несамостоятельны и фактически воспроизводят в миниатюре несущую конструкцию правящего политического режима. Им также свойственна клановая природа, эволюция в сторону режима личной власти лидера или группового партийного авторитаризма. Партийные лидеры часто используют популистские стратегии, особенно во время избирательных кампаний (дают массу обещаний; играют на эмоциях недовольных масс, широко используют медийные средства для эмоциональных заявлений). Несмотря на конституционный запрет, многие партии используют в целях мобилизации сторонников этнические, религиозные или региональные факторы, хотя это запрещено конституцией. Тем самым создается угроза целостности страны. Население нередко воспринимает партийных кандидатов в логике «патрон – клиент», т. е. как лоббистскую группу, призванную защищать и проталкивать интересы своего клана, племени или общины. Правовой статус африканских политических партий, определяющийся конституционными нормами, соответствует международным стандартам, однако правовая регламентация лишь отчасти регулирует их реальные политические практики.

Традиционные институты остаются составной частью политической культуры и образа жизни практически всего континента, хотя за последние десятилетия независимости они претерпели значительные изменения. «Более того, они продолжают оказывать непосредственное влияние на современную политическую жизнь африканских государств и часто являются ключом к пониманию таких явлений, как трибализм и клиентелизм, с их господством связей по родству и половозрастной стратификацией, – отмечает А. Л. Емельянов. – Продолжительность существования авторитарных режимов также во многом объясняется серьезным влиянием традиционных институтов, особенно в области социальных отношений...» [4, с. 154].

Традиционные структуры управления (местные вожди, князья и т. д.) до сих пор имеют широкую культурную, социальную и политическую базу в лице огромных масс крестьянства: оно до сих пор остается основным элементом социальной структуры африканского общества. Отношения между современными и традиционными институтами остаются сложными и даже напряженными, поскольку население

поддерживает традиционных правителей на местах, видя в них защитников от влияния чуждой им западной цивилизации, что осложняет отношения между современными и традиционными институтами. Отсюда сеть религиозных, общинных, племенных и земляческих объединений выступает как параллельная структура, конкурирующая с государством за контроль над распределением экономических ресурсов.

По мнению ряда исследователей, ключевые акторы на африканской политической сцене имеют гибридную природу, сочетая укорененность в традиционных структурах и способах легитимации, частные интересы и нередко негосударственные военные ресурсы с использованием ресурсов современного государства [8]. В глазах местного населения они играют роль «заместителей» государства.

Африканские ученые рассматривают традицию в качестве живой и современной движущей силы развития своего континента, однако им не удалось осуществить переосмысление и творческое развитие национальной традиции, сделать ее ресурсом экономического и социального развития в эпоху глобализации. В значительной степени эта неудача лежит также в зоне ответственности национальных политических элит, адекватности понимания ими специфики протекания глобальных процессов в региональных и локальных сегментах современного мирового пространства и способности выработать стратегию национального развития как ответ на этот вызов.

С учетом всех предложенных характеристик африканский политический процесс можно рассматривать как самостоятельный цивилизационный тип. У него много общих черт с незападным процессом в интерпретации Л. Пая и мало – с политическим процессом на Западе. Для африканского политического процесса характерен ангажирующий характер политического участия, теневые практики принятия важнейших решений, вертикальный характер политической коммуникации и стремление правящих элит сохранить в неизменном виде сложившуюся систему отношений.

Таким образом, в современной политической науке формируется новая логика интерпретации политической сферы, предполагающая учет социокультурных и цивилизационных параметров. «Смежные понятия – идентичность, устойчивость, культурная самобытность, менталитет, традиция, входящие в пул цивилизационного подхода, во многом становятся каркасом изучения современной социально-политической и исторической реальности», – отмечает М. Мчедлова [9]. Они предполагают разработку более детальной шкалы для измерения разнообразных ответных реакций, исходящих со стороны обществ, столкнувшихся с «вызовом культуры» [10].

ЛИТЕРАТУРА

1. Культура имеет значение. Каким образом ценности способствуют общественному прогрессу / под ред. Л. Харрисона и С. Хантингтона. – М. : Московская школа политических исследований, 2002.

2. Пай Л. Незападный политический процесс / Л. Пай // Политическая наука. – 2003. – № 2.

3. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций / С. Хантингтон ; пер. с англ. Т. Велемеева, Ю. Новикова. – М. : Издательство АСТ, 2003.

4. Емельянов А. Л. Особенности политического процесса и политических структур на африканском континенте / А. Л. Емельянов // Политические исследования. – 2013. – № 1.

5. Косухин Н. Д. Политическое лидерство в Африке : прошлое и настоящее / Н. Д. Косухин. – М. : Институт Африки РАН, 2015.

6. Прокопенко Л. Я. Институт президентства в странах Африки (гендерное измерение) / Л. Я. Прокопенко // Россия в условиях новой политической реальности: стратегия и методы развития : материалы Всероссийской научной конференции с международным участием. М. :

РАНХиГС при Президенте РФ, 25–26 ноября 2016 г. / под ред. О. В. Гаман-Голутвиной, Л. В. Сморгунова, Л. Н. Тимофеевой. – М. : Проспект, 2016.

7. Катугойко М. К. Б. Политические аспекты становления институтов гражданского общества в современной Анголе : автореф. дис. ... канд. полит. наук / М. К. Б. Катугойко. – Орел, 2016.

8. Persistent state weakness in the global age / D. Rkostovicova, V. Vojcic-Dzelinovic (eds.). – Farnham : Ashgate, 2009.

9. Мчедлова М. М. Концептуальные сдвиги в логике интерпретации политического процесса / М. М. Мчедлова // Россия в условиях новой политической реальности : стратегия и методы развития : материалы Всероссийской научной конференции с международным участием. М. : РАНХиГС при Президенте РФ, 25–26 ноября 2016 г. / под ред. О. В. Гаман-Голутвиной, Л. В. Сморгунова, Л. Н. Тимофеевой. – М. : Проспект, 2016.

10. Многоликая глобализация / под ред. П. Бергера и С. Хантингтона ; пер. с англ. В. В. Сапова ; под ред. М. М. Лебедевой. – М. : Аспект Пресс, 2004.

*Министерство образования Республики Ангола
Да Коста Сапула Педро Камило, заместитель министра образования Республики Ангола
E-mail: pedrocosta27@yahoo.com.br
Тел.: 8 (473) 221-27-43*

*Ministry of Education of the Republic of Angola
Da Costa Sapula Pedro Camilo, Deputy of Education Minister in Angola
E-mail: pedrocosta27@yahoo.com.br
Tel.: 8 (473) 221-27-43*